

ВЕЧЕР

Вечер – это комары,
Что дремали до поры.

Вечер – это облака,
Розоватые слегка.

Вечер – это отдых тем,
Кто с мотыгой потел.

Вечер – это мой уют.
Не поймают, не найдут.

ГОРОДУ

Фонари, дома, дома...
Всё не так уж плохо,
Раз на всех одна луна
И одна дорога.

Я и сам твоё ребро,
Часть твоей сюиты,
Только так порой светло
В сердце каинита.

Никогда не прокляну, –
Плаваясь на асфальте,
Вспомню полную луну,
Шёлковое платье.

* * *

Отклеилась подошва,
Захлюпала вода...
Иди-мечтай о прошлом,
Оплакивай года;

И вопрошай уныло
Себя же самого:
«Зачем мне это мыло
Без шила моего?..»

* * *

Собака-чёрные глаза,
Собака-куцый хвост,
Собака смотрит в небеса
И чуда с неба ждёт.

А в небе синем облака –
Парное молоко,
И хочет псина полакать,
Но миска далеко.

И знает, бедная, она
(Хотя не знает слов),
Что скоро выползет луна
И в миске будет кровь.

И выйдет друг, и снимет цепь,
И пустит погулять,
А псина сядет на крыльце
И будет охранять.

* * *

Город встретил не меня,
Город встретил электричку,
В море пьяного огня
Тухнет маленькая спичка.

Ну, признайся, глупый я,
Разглядеть слону едва ли
Коротышку-муравья
С позолоченной медалью.

Что ему твоя мечта?
Что ему твои поэмы?
Город любит поезда
И пожарные сирены,
Дым железных сигарет,
Глянец окон темно-синих...

Погаси на кухне свет
И поставь на «шесть» будильник.

ВЕСЕННЕЕ

Весна! Теперь официально,
Поскольку люк над головой
Раскрылся в плоскости овальной
И дунул Божьей синевой;

Поскольку с горюшка в стаканчик
Я наливаю не вино,
Но сам воскресший одуванчик
Мне солнцем брызнул на окно;

И я впервые за полгода
Пришёл без насморка домой,
Как Ломоносов за подводой –
За двадцать первую весной.

РАЙНЕР

Зачем молитвы и пророчества,
Когда над Прагою, над старой,
Твоё святое одиночество
Тебе катрены диктовало?

Мерцали звёзды примирительно,
И город свежестью дышал,
И ты не прятался в обителях,
И небеса не вопрошал.

В седые сны калокагатии
Вплетал балеты Дебюсси...
Зачем, зачем одел ты мантию
И потерялся на Руси?

От Рима Первого до Третьего
Всё уже древняя тропа.
Ах, чехи, как вы не заметили,
Что ваш ребёночек пропал?

* * *

Облака – близкие, близкие –
Дотянуться рукой могу!
Наша жизнь – это только присказка,
Да и то: на лету, на бегу.

Скорым поездом в даль апрельскую,
Там уж точно тают снега!..
Наша жизнь – это только лесенка,
Чуть повыше глаз чердака.

Притворюсь на три дня спящим и –
На перрон, в уходящий состав...
Скорым поездом в даль звенящую,
В разноцветье воскресших трав.

* * *

Всё, что вами двигало,
Милые мои, –
Это жажда прибыли –
Евры и рубли.

А теперь рыдаете
И глядите в пол –
Чёрные копатели
Безымянных гор.

Что ж вы обнаружили,
Золотых тельцов?
Кости и оружие
Собственных отцов...

Ямы рыли узкие,
Силы берегли, –
Мало-, бело-, русские
Рядышком легли...

Чем желтее косточки,
Тем святей народ –
Точно капли дождичка,
На лопатах мёд.

ГОРОДУ

Сказать тебе по правде:
Ты только вечером хорош,
В неоновом наряде, –
И пусть цена наряду – грош,

И пусть твои заводы
Сожрали русское село, –
Я заплачу за воду,
За батарейное тепло,

И в этот зимний вечер
На три, на два, на полчаса
Побуду человечьим,
С апрельской искоркой в глазах.

Декабрьское ненастье
Вдохну озябшею душой, –
Какой же ты несчастный,
Такой красивый и большой...

Сказать тебе по чести...
Да и не врал я никогда
Огням твоих созвездий,
Твоим дрожащим проводам.

* * *

Небо – цикория лепесток,
Поле – твоя ладонь.
Так бы и шёл – до конца дорог,
Шёл – до конца времён.

Лишь по ночам, воскрешая быт,
Песни пел, как сверчок,
Зная, – согреет и сохранит
Маленький кулачок.

ПЕРЕВОДЫ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Конрад Фердинанд МЕЙЕР
(1825 – 1898)

РИМСКИЙ ФОНТАН

Секунда – и чаша полна до краёв,
Но снова и снова на мрамор блестящий
Струится вода, – словно тысячи слов
Наполнили внутренность мраморной чаши, –
Бежит через край, во вторую, и вот
Потоком бушующим в третью льется,
И каждая чаша даёт и берёт,
Молчит и смеётся.

Конрад Фердинанд МЕЙЕР
(1825 – 1898)

НА ГРАНД-КАНАЛЕ

Словно тени, гондолы скользят по воде,
Словно шёпот, шуршание вёсел,
И великая тайна во всём и везде,
Целый мир – воплощение вопроса.

Между старых дворцов, как в столярных тисках,
Красота раскалённого шара,
И ложатся лучи на смеющийся прах
И на серую вечность канала.

А по вечности той вапоретто плывут,
Чем темнее, тем звонче бокалы,
Чем темнее, тем жарче объятия губ
И отточенней взглядов кинжалы.

Бесконечная ночь для извечных утех, –
Не опять, а как водится, снова, –
Только с каждой минутой задумчивей смех,
Как часы у кровати больного.

Генрих БЁЛЛЬ
(1917 – 1985)

АНГЕЛ

Ангел – если Ты ищешь его,
он – земля
между камней на высокой горе,
он появится,

когда Ты позовёшь,
если Ты позовёшь,
забыв о силе,
забыв о власти,
позови как брата,
если Ты ищешь его.
Он был германцем – иудей Христос.
Он был землёй для тёрна, фуксии и бобов
между каменьев на высокой горе,
Если Ты ищешь его
И – если Ты найдёшь его – Ангела,
создай его заново
не из крови,
не из желчи,
но – из слёз и –
нескольких капель Рейна,
создай его заново,
если Ты найдёшь его.

Ингеборг БАХМАН
(1926 – 1973)

ОТСРОЧЕННОЕ ВРЕМЯ

Наступают суровые дни.
До поры отсроченное время
уже виднеется на горизонте.
Скоро тебе придется зашнуровать ботинки
и отозвать собак в прибрежные дворы.
Потому что внутренности рыб
уже холодеют на ветру.
Нищенски светятся люпины.
Твой взгляд прокладывает тропу в тумане:
до поры отсроченное время
уже виднеется на горизонте.
А там, в песке, тонет твоя любимая,
песок блуждает в её волосах,
он перебивает её на полуслове,
он приказывает ей замолчать,
он считает её смертной
и готовой расстаться с тобой
после каждого объятия.
Не оглядывайся.
Зашнуруй ботинки.
Позови собак.
Выброси рыб в море.
Затуши люпины!
Наступают суровые дни.